

Презентация как анти-феномен в «Бытии и событии» Алена Бадью

Р. Брэйссер

*Centre for Research in Modern European Philosophy, Middlesex University
Trent Park, Bramley Road, London N 14 4YZ.*

В своём *opus magnum* «Бытие и событие» Ален Бадью отождествляет онтологию с математикой и использует математическую формализацию онтологического дискурса для экстра-онтологического исчисления «истин-событий». Вооружившись деконструктивной критикой метафизических онтологий наличия, Бадью предлагает анти-феноменологическую концепцию онтологической презентации. Внутренняя структура презентации есть структура анти-феномена: презентация по необходимости оказывается пустой и несубстанциальной. Но в результате «Бытие и событие» оказывается расколото фундаментальным методологическим идеализмом. Бадью не удаётся отстоять связь, которую он стремится установить между формальной дискурсивной структурой математической онтологии и экстра-дискурсивной реальностью. Определяющая связь между бытием и событием, т.е. между предлагаемой Бадью чисто формальной концепцией онтологической презентации и экстра-онтологической реальностью события, устраняется самой структурой концепта презентации, центрального для учения Бадью.

1. Введение

В «*L'être et L'événement*» («Бытие и событие»)¹ Ален Бадью предлагает реконфигурировать задачу современной философии, основываясь на суждении, что онтология — это математика. «Наука о бытии-как-таковом *существует* со времён греков, — декларирует Бадью в своём Введении, — будучи формой и содержанием математики, но только теперь мы получили возможность *признать* это»². Поскольку онтология теперь является областью математической науки и поскольку (*contra* Хайдеггер) бытие не есть ни по сути своей интеллигибельное, ни источник истины, медитативное размышление о бытии более не принадлежит философии. Более того, поскольку эпистемология, по Бадью, может функционировать лишь в пределах структуры, обеспечиваемой математической онтологией, и поскольку математическая наука о бытии обосновывает парадигматическую форму научного подхода к реальности, это значит, по-видимому (хотя сам Бадью никогда не говорит об этом эксплицитно), что эпистемологию теперь можно благополучно передать естественным наукам (и когнитивным

Brassier R. Presentation as anti-phenomenon in Alain Badiou's «Being and Event» // *Continental Philosophy Review*. 2006. Vol. 39. № 1 (March). P. 59-77. Мы благодарим редакцию журнала «*Continental Philosophy Review*» и издательство «*Springer*» за любезное разрешение на перевод и публикацию статьи, а профессора Р. Брэйссера — за любезно предоставленный материал и консультации при переводе.

© R. Brassier, 2006.

© А.В. Дьяков, перевод, 2008.

¹ Badiou A. *L'être et l'événement*. P.: Seuil, 1988. Англ. перевод Оливера Фелтхэма.

² *Ibid.* P. 9.

наукам в особенности). Таким образом, философия больше не может отвечать за описание эпистемологических условий, предположительно гарантирующих нам доступ к миру. По Бадью, ни онтология (как метафизическая, так и пост-хайдеггерианская), ни эпистемология (как институциональная, так и натурализующая) не лежат в основании философского предприятия.

Итак, это типичный «постмодерн», как сказали бы циники. Бадью, по-видимому, просто предлагает иной вариант затасканной темы нищеты философии, уже знакомой нам по таким фигурам как Рорти и множество других. Но такой цинизм был бы неоправданным, потому что, если Бадью и призывает философию освободиться от традиционной заботы об онтологии и эпистемологии, то лишь постольку, поскольку полагает, что такой шаг станет необходимой предпосылкой для развёртывания подлинно современного — или, как сказал бы он сам, «более-чем-современного»¹ — философского рассмотрения истины. Бадью озабочен прежде всего истиной, понимаемой теперь не в терминах соответствия, когерентности или *алетейи*, но реконцептуализированной согласно логике «субтракции», выхватывающей истину из укоренённости в бытии и освобождающей её от власти знания. Это позволяет Бадью во Введении к «Бытию и событию» декларировать: «Мы наконец-то стали современниками *начала*, с которым связана теория истины, теперь, когда органическая зависимость последней от знания уничтожена. Теперь всякий ретроактивно замечает, что до настоящего времени неоспоримо господствовало то, что я назвал бы "правдивостью", и что, каким бы странным это ни казалось, "истина" оказывается для Европы (и повсеместно) новым словом»². Философия становится теорией, ответственной за регистрацию и концептуализацию вторжения истин как разломов, цезур или разрывов в порядке бытия и знания; разрывов, которые в то же время реконструируют порядок реальности, и условий, структурирующих наш доступ к реальности. Бадью называет такие разрывы «событиями».

Значимость «Бытия и события» заключается в попытке Бадью предпринять рассмотрение экстра-онтологических истин-событий на основании априорной математической формализации онтологического дискурса. Вооружённый деконструктивной критикой метафизических онтологий наличия³, Бадью выстраивает анти-феноменологическую концепцию онтологической презентации. Внутренняя структура презентации есть структура анти-феномена, противоположная по необходимости пустому и несубстанциальному наличию: «Презентация — полная противоположность наличия»⁴. Но в результате «Бытие и событие» оказывается расколото фундаментальным методологическим идеализмом. Бадью не удаётся обезопасить связь, которую он стремится установить между формальной и дискурсивной структурой математической онтологии и экстра-дискурсивной реальностью. Основополагающая связь между бытием и событием, т.е. между чисто формальным концептом онтологической

¹ См.: Badiou A. Author's Preface / Theoretical Writings. Eds. R. Brassier and A. Toscano. L.: Continuum, 2004. P. XV.

² Badiou A. L'etre et l'événement. P. 9.

³ Мы переводим употребляемый Р. Брасьером термин «presence» как «наличие» в силу сложившейся традиции передачи на русском языке деконструктивистской терминологии. Однако следует отметить, что в тексте постоянно присутствует переключка «presence/presentation», в переводе утраченная. Это представляется нам меньшим злом: перевод «presence» как «презентность» не только повлёт бы за собой ненужные коннотации, но и скрыл бы аллюзию на деконструктивистскую традицию *примеч. пер.*

⁴ Badiou A. L'etre et l'événement. P. 35.

презентации и экстра-онтологической реальностью события, устраняется самой структурой концепта презентации, центрального для «Бытия и события».

2. *Приоритет онтологического дискурса*

Идентификация онтологии с аксиоматической теорией множеств у Бадью становится утверждением дискурса, а не мира¹. Принимая аристотелевское определение онтологии как дискурса о «бытии как таковом» (а не «бытии чего-то»), Бадью отсылает к дискурсивной интеллигибельности бытия, рассматриваемого независимо от каких бы то ни было качественных определённостей². Онтология представляет бытие как одновременно многое и единое: оно «полагается-единым» и представляется как консистентная множественность. Быть — значит быть многим, но интеллигибельность бытия-многим требует различия между консистентной множественностью, поскольку многое есть полагание-консистентным, и неконсистентной множественностью, поддающейся исчислению и ретроактивно постулируемой как бытие посредством счётной операции. Всё, что существует, должно полагаться-консистентным, но консистентность не является сущностной характеристикой бытия; это всего лишь результат операции, вычлняющей консистентную множественность из неконсистентной множественности. Бытие как таковое — ни одно, ни многое; оно есть неконсистентная множественность³. Онтология — всего лишь дискурсивная презентация неконсистентной множественности как таковой; следует отметить, что презентация неконсистентной множественности считается независимой от какой-либо предикативной определённости, кроме её абсолютной множественности⁴.

Необходимо сразу же отметить два фундаментальных момента, отличающих «приоритет» онтологического дискурса у Бадью от традиционных метафизических онтологий.

Во-первых, по Бадью, онтология сама по себе есть ситуация, указывающая в локальном масштабе на неконсистентную множественность. Ведь, если презентация есть по необходимости многое, а бытие вовлечено во всякую презентацию⁵, то такой единственной презентации бытия, которая охватывала бы все остальные, нет. Таким образом, онтология — не универсальная или «всеобъемлющая» ситуация. Это определённая ситуация наряду с другими определёнными ситуациями. А раз так, утверждает Бадью, раз все доступы к бытию осуществляются через презентацию, а презентация всегда есть презентация чего-то, но никогда не бытие как таковое⁶ (ниже мы увидим, почему), онтология определяет себя как такую ситуацию, в которой представлена презентация как таковая. Привилегия онтологической ситуации состоит в предоставлении места для «схватывания всякого возможного доступа к бытию»⁷.

Ibid. P. 14.

² Свет на соотношение между характеристиками задачи онтологии у Аристотеля и у Бадью проливает Desanti J.-T. Some Remarks on the Intrinsic Ontology of Alain Badiou // Think Again: Alain Badiou and the Future of Philosophy. Ed. P. Hallward. L: Continuum, 2004. P. 59-66.

³ Badiou A. L'être et l'évenement. P. 32.

⁴ Ibid. P. 36.

⁵ Ibid. P. 35.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid. P. 36.

Во-вторых, утверждение о том, что онтология — это математика, не есть утверждение концепта бытия. Это не значит, что бытие должно быть концептуализировано как многое и что соответствующие концептуальные ресурсы для осмысления многого следует искать в математике. По Бадью, онтология не может обращаться вокруг «концепта бытия», потому что сама идея «концепта бытия» несовместима с утверждением о том, что бытие есть неконсистентная множественность. Указание на то, что Одно не существует, и тезис о том, что бытие есть неконсистентная множественность, предполагает, что онтологический дискурс обходится без концепта многого (или «бытия»). Онтологический дискурс обращается вокруг невозможности рассматривать неконсистентную множественность как одно (как мы увидим, *что* рассматривается как ничто), что неприемлемо в силу определения числовой презентации, или счёта. Это означало бы подчинение неконсистентной множественности логике единственного понятия, что заново вводило бы категориальное различие между бытием и его понятием, а значит, отказ от признания консистентности, допускающей существование взаимосвязи между различными терминами (поскольку такое различие предполагает возможность отличать отдельные термины). Таким образом, «необходимо, чтобы операциональная структура онтологии была в состоянии отличать неконсистентное, не превращая его в консистентное, а значит, не зависеть от дефиниции неконсистентного»¹. Теория множеств удовлетворяет этой структуре аксиоматизацией своей дискурсивной презентации, предписывая правила манипуляции терминами, определёнными композиционно, а не концептуально. Всякая композиция, нарушающая правила, исключается; всё разрешённое правилами предписывается². Но то, что представляется эксплицитно (т.е. концептуально), никак не определяется; специфицируется оно лишь композиционно, через правила, предписывающие легитимное раскрытие символа причастности. Быть — значит принадлежать множеству, всё, что ему причастно, само есть множество, а всякое множество определяется в терминах причастности, чьё функционирование аксиоматически специфицировано. Таким образом, аксиоматическая форма онтологического дискурса необходима для избежания какой бы то ни было вариативности концептуальной дефиниции, каковая привела бы к реобъективации, а значит, и унификации неконсистентной множественности. Хотя философия, используя термины «бытие», «презентация», «ситуация», «многое», «консистентное» и «неконсистентное», обеспечивает этот аксиоматический дискурс «метаонтологической» глоссой, необходимо, чтобы её концептуальная схематизация правил, руководящих онтологическим дискурсом, не сводились к ре-презентации³ онтологической презентации, заново вводя понятие бытия или многого: «Полагая бытие в целом как объект, его ре-презентация неизбежно подорвала бы с необходимостью деобъективированное положение онтологического раскрытия»⁴.

Как мы увидим, весьма непростой характер отношений между онтологическим и метаонтологическим дискурсами не находит у Бадью адекватного разрешения. Мы будем утверждать, что двусмысленное положение метаонтологического дискурса как *vis-à-vis* дискурса онтологического с одной стороны и мира (или «реальности») — с

¹ Ibid. P. 37.

² Ibid. P. 38.

³ См. раздел 4. Я пишу «ре-презентация» в смысле Бадью, тогда как термин «репрезентация» употребляется в обычном философском значении.

⁴ Badiou A. L'etre et l'evenement. P. 17-18.

другой, является тем камнем, на котором зиждется философское сооружение Бадью. В конечном счёте, будем мы утверждать, философия, которая предпочитает отказаться от мировой полноты в пользу субтрактивного аскезиса, должна быть готова броситься в чёрную дыру субтракции. Но, чтобы уловить отрицательные заключения логики субтракции, необходимо рассмотреть пекулярную структуру предлагаемого Бадью концепта презентации.

3. Закон презентации

Исходная декларация «Бытия и события» заключается в том, что «Единого не существует»¹. Онтологическая презентация лишена консистентности. Или, вернее, консистентность есть лишь результат операции, «потому что единица есть операция и никогда не презентация»². Хотя презентация с необходимостью структурирована, структура не является сущностным аспектом бытия. По необходимости структура есть номологический признак дискурсивной презентации, а не онтологическая характеристика бытия как такового. «Нет никакой структуры бытия», — утверждает Бадью³. Таким образом, может показаться, что Бадью просто повторяет общеизвестную трансцендентальную дистинкцию между формальными признаками бытия как характеризующегося отношением к мысли, или «для нас», и бытием как независимым от мысли, или «в себе»; иными словами, избитый дуализм феномена и ноумена. Но дело обстоит иначе. Фактически пропасть между исчислимым многим и неисчислимым немногим, или структурой и бытием, указывает на основополагающую тождественность несуществования структуры (т.е. исчислимого) и несуществования неконсистентного (т.е. бытия как такового). Уловить эту тождественность значит понять, каким образом закон исчисления как условие существования, делающий возможной презентацию, устраняя презентацию неконсистентной множественности (т.е. бытия как такового), делает её в конечном счёте неотличимой от онтологического неконсистентного, презентацию которого он исключает. Таким образом, не-бытие (*non-être*) Единого, являясь лишь номологическим статусом структуры, асимптотически конвергирует с бытием-ничто (*être-rien*) неконсистентной множественности, чья неотменимая невозможность ретроактивно удостоверяется структурой счёта. В этом отношении онтология Бадью следует парменидовскому принципу, согласно которому «мышление и бытие есть одно и то же»⁴: они тождественны, но не связаны. Ни мышление, ни бытие не являются ничем. Онтологический дискурс раскрывает их тождественность, имея дело с совпадением структурированного консистентного и де-структурированного неконсистентного, не усматривая между ними как различными терминами какого бы то ни было отношения. Он совершенно игнорирует всякую апелляцию к категориальным дистинкциям между различными типами бытия. Соответственно субтрактивная онтология невосприимчива к попыткам гипостазировать различие между тем, что зовётся «мышлением», и тем, что зовётся «бытием». Но при этом она оказывается неспособна признать какое бы то ни было различие между дискурсом и миром, мыслью и реаль-

¹ Ibid. P. 31.

² Ibid. P. 32.

³ Ibid. P. 34.

⁴ Ibid. P. 49.

ностью, логическими следствиями и материальными причинами¹. Закон презентации выступает гарантом буквального изоморфизма между мышлением и бытием (тем более замечательно, что бытие не является ни метафизическим, ни трансцендентальным); но оплачивать его приходится пекулярной вариативностью дискурсивного идеализма, где даже введение неконсистентного как настоящее препятствие для идеального порядка онтологического дискурса оказывается не более чем инстанцией неструктурированной мысли: событие как алеаторное разрешение неразрешимого, где мысль как таковая воплощает неконсистентное.

4. Структура, метаструктура, ре-презентация

Закон презентации кодифицируется в операции счёта, которая здесь отсутствует, поскольку не может исчислить себя как единицу. Будучи избавлен от исчисления самого себя, всякий счёт влечёт «счёт счёта», или то, что Бадью в онтологическом контексте обычно обозначает как «метаструктуру», а во всех прочих ситуациях — как «ре-презентацию». Хотя сам Бадью склонен довольно неудачно пользоваться этими выражениями попеременно, различие между этими двумя тесно взаимосвязанными терминами является решающим для всего его проекта. Онтологическая метаструктура одновременно и намечает программу не-онтологической ре-презентации, и становится препятствием для ре-презентации (мы вернёмся к этому в разделе 7).

Бадью утверждает онтологическую необходимость счёта счёта, или метаструктуры, на основании аксиомы степенного множества и теоремы избыточной точки (point of excess). Согласно аксиоме степенного множества, для каждого множества a существует множество a^2 , включающее все подмножества a . a^2 принимает за единицу всё, что включается в a , само не принадлежа a . Теорема избыточной точки показывает, что степенное множество a^2 всегда больше, чем a , хотя бы на один элемент. Её дополняет теорема Коэна-Истона, показывающая, что избыточное включение абсолютно неизмеримо². Поскольку счёт элементов (множеств) неизбежно включает неисчислимые части (подмножества), метаструктуру или счёт счёта, консистентность презентации с необходимостью компрометируется латентной неконсистентностью, которая включается в счёт, не принадлежа ему. Область включения имплицитно обеспечивает внутри презентации прибежище для неконсистентного, которое исключает закон презентации. Таким образом, «консистентность представления требует удвоения всякой структуры метаструктурой»³, которая принимает за единицу неконсистентное, порождая самоосвобождение структурирования. Онтологическая презентация артикулируется вокруг этого метаструктурального удвоения, которого требует дизъюнкция между принадлежностью и включением. Именно эта редупликация структуры обеспечивает модель для «ре-презентации» в не-онтологических ситуациях и различие между

¹ Этот вопрос разбирает Питер Холлуорд в работе: Hallward P. Badiou: A Subject to Truth. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003. P. 276.

² См.: «Бытие и событие», размышление 5. С. 95-107. Это «более чем» понимается в терминах концепта квантитативности, определяемого в терминах множества. Бадью выстраивает концепт множества и неизмеримости добавочного включения, ссылаясь преимущественно на теорему Коэна-Истона в Размышлении 26 «Бытия и события». С. 293-309.

³ Badiou A. L'etre et l'evenement. P. 109.

ситуацией и формой ситуации: «всякая ситуация структурирована дважды. Что значит: всегда существуют сразу и презентация, и ре-презентация»¹.

Это «сразу» следует понимать буквально: как совершенную нераздельность структуры и метаструктуры. Но эта нераздельность есть именно нераздельность радикальной делимости, ни пространственной, ни временной по своему характеру². Всякая презентация расколота этой трещиной между счётом и счётом счёта, так сказать, между принадлежностью и включённостью (последнее есть лишь вариант первого, а не второе простейшее отношение), поскольку сам счёт есть ничто:

Нет никакой разницы — сказать, что операция счёта есть ничто, поскольку она есть источник счёта, но сама неисчислима, или сказать, что это ничто есть чистая множественность, оперирующая счётом, будучи различно «в себе», поскольку это та же самая неисчислимость, только манифестирующая себя как счёт³.

Метаструктура необходима для устранения опасности, грозящей презентации из-за неразличимости «не-бытия» (*non-être*) Единого и «бытия-ничем» (*être-rien*) неконсистентного. Необходимо устранить презентацию ничто и «разрушение Единого»⁴. Ведь «бытие ничем» неконсистентной множественности не только означает пропасть между всеобщей презентацией и «тем, что лежит в основании» презентации; это «ничто, присущее ситуации, пустая и неситуируемая точка, противоположная ситуации, связывающей бытие и плавающее наличное в презентации как субтракции счёта»⁵. Наличное есть ничто, чистая неконсистентность; однако эта неконсистентность есть сразу неконсистентность и бытия, и структуры⁶. Онтологическая презентация даёт нам «непрезентный доступ» к неконсистентному; оно не представлено, а потому не представляет собой ничего. Это «пустота», или бытие ситуации. Оно никогда не может быть представлено как термин ситуации, поскольку это неконсистентность, скрывающаяся в своей собственной структуре. Так называется то, из чего со-стоит ситуация; это субтрактивная связка бытия⁷.

5. Связка непредставимого

Давайте разберём аргумент, посредством которого Бадью пытается утвердить связку мысли с непредставимым. Разделительная аксиома предполагает, что всякое суждение существования применительно к множеству с необходимостью требует пред-существующего множества⁸. Таким образом, необходимо исходное множество, существование которого становится предпосылкой для каждого следующего множе-

¹ Ibid. P. 110.

² Согласно Бадью, онтология по необходимости индифферентна к пространственно-временным категориям: бытие как таковое не имеет ничего общего с пространством и/или со временем — здесь у него чисто платонический момент.

³ Badiou A. L'être et l'événement. P. 68.

⁴ Ibid. P. 109.

⁵ Ibid. P. 68.

⁶ Ничто характеризует структуру, а значит, единство как единство чистой множественности, а значит, и не-единство». (Ibid.)

⁷ Пустота становится заметной лишь в ситуации дисфункции счёта, позволяющей появиться «ультра-единице» события. См.: Badiou A. L'être et l'événement. Размышления 17 и 18. P. 199-212.

⁸ См.: Badiou A. L'être et l'événement. Размышление 3. P. 49-59.

ства. Это пустое множество: множество, в которое ничего не входит. Онтологический дискурс, являющийся презентацией презентации, презентацией принятия-за-единицу как принадлежности, не утверждает никакого существования, которое, так сказать, не принадлежит изначально тому, чему ничего не принадлежит. Он утверждаем бытие-ничем принадлежности как того, что не принадлежит принадлежности. Следовательно, это не принадлежность (консистентность), существование которой декларируется изначально, а не-принадлежность (неконсистентность), предполагаемая заранее всякой последующей принадлежностью. Фактически онтологический дискурс начинается с отрицания принадлежности, а не с утверждения не-принадлежности; это отрицание, действие которого эквивалентно утверждению или, как выражается Бадью, «существование, которое не существует»¹. Таким образом, в пределе онтологическая аксиоматика приходит к тому, что Бадью, декларируя существование несуществования, называет «субтрактивной связкой мысли с бытием». Так через отрицание презентации утверждается бытие представимого.

Франсуа Валь² выдвигает весьма интересное возражение: аргумент, призывающий нас вывести существование не-принадлежности непосредственно из отрицания принадлежности, реитерирует онтологический аргумент. Если даже, как утверждает Бадью, аксиома пустого множества утверждает несуществование, а не существование, поскольку несуществование есть не более чем «индекс существования», подобно абсолюту в классической версии онтологического аргумента, то почему несуществование принадлежности должно обладать большим правом на существование, чем любое другое несуществование, например, несуществование Единого?³ Чем отрицание принадлежности, утверждающее существование «бытия-ничем» пустоты, отличается от отрицания консистентности, посредством которого Бадью утверждает «не-бытие» Единого?

Впрочем, возражение Валя искажает аргумент Бадью. Логическим обращением аксиомы пустого множества является не «не-принадлежность существует», не «непредставимое существует», ни даже «несуществующее существует». Это не предикат существования или какого-либо иного концепта, будь то «не-принадлежность» или «несуществование». Его логическая форма не сводится к пропозиции субъект/предикат. Скорее, аксиома утверждает, что «существует такое множество , которому не принадлежит множество а». Экзистенциальный квантор не атрибутирует концепт полноты. Его обращение в принципе отрицает принадлежность, требуя *по меньшей мере* обосновать существование признака принадлежности. Это «по меньшей мере» есть сингуляризация, утверждаемая экзистенциальным квантором. И именно через негацию признака принадлежности аксиома утверждает существование признака не-принадлежности.

По той же причине бытие-ничем пустоты нельзя формально отождествить с не-бытием Единого. Первое есть утверждение отрицания, тогда как второе не есть ни утверждение, ни отрицание, поскольку объединение многого посредством операции включения не имеет никакого онтологического статуса. Включение есть операция, а не сущность; не-существование операции преобразуется в существование, которое, в свою очередь, поддается счёту как принадлежащее другому множеству. Негация этой операции обосновывается аксиомой пустого множества, которое только и существует.

¹ Ibid. P. 81.

² См. язвительную статью Валя «Présentation, Representation, Apparaître» [«Презентация, репрезентация, явление»] // Badiou J. Penser le multiple. Ed. Ch. Ramond. P.: L'Harmattan. 2002. P. 169-187.

³ Ibid. P. 177.

Теория множеств начинается с обоснования негации принадлежности, негации уже предполагаемого всякой последующей операцией включения, посредством которой множество принимается за единицу. Таким образом, несуществование пустоты, основание негации принадлежности, выступает предварительным условием как включения Единого, поскольку всякая включённость предполагает существование (номинальной) не-включённости, так и гарантией того, что существование принадлежности по сути ничем не обосновано. Теория множеств начинается с декларации того, что не-включённость существует — та не-включённость, которая санкционирует всякую следующую включённость, — но теория не обосновывает и не предполагает существования включённости.

Аксиома пустого множества утверждает, что номинально непредставимое представимо; иными словами, что номинально существует несуществование. Этот нюанс оказывается критическим: утверждение существования номинального в дискурсе совершенно отлично от утверждения существования экстра-дискурсивного понятия. В этой номинации презентация оказывается способна связать себя с непредставимым, не представляя его. Поэтому, пишет Бадью, «инаугуральное явление» непредставимого заключается в «чистом акте номинации», который, «будучи а-специфичным <...>, замыкается на себя, не обозначая, таким образом, ничего кроме непредставимого как такового»¹. Эта номинация не означает возвращения Единого, поскольку ни из чего не состоит и не является множеством, будучи равным счётом ничем.

6. Презентация как анти-феномен

Презентация даёт начало эффекту унификации, но само не унифицируется, поскольку раздроблено между неконсистентной множественностью (представленной в терминах включённости) и своим собственным неконсистентным бытием, которое, так сказать, не-бытийствует в счёте, будучи выражением точки неразличимости бытия-ничем пустоты. Эта неразличимость одновременно и выступает гарантом бытия презентации (поскольку пустота презентации есть её связь с бытием), и угрожает ниспровержением её порядка. Порядок презентации требует предотвратить эти неразличимость и угрозу латентной неконсистентности структуры посредством ре-презентации, преодолевающей разрыв между тем, что принадлежит презентации, и тем, что она включает. Таким образом, ре-презентация восстанавливает закон, отделяя не-бытие структуры от бытия-ничем. Более того, благодаря этому точка их конвергенции остаётся асимптотической, откладываясь в «будущее несовершенное». Неконсистентное бытие, или пустота, презентации (формируемая не-бытием счёта) «будет» представлено через ре-презентацию всего, что счёт включал без представления:

Следовательно, поскольку всё исчислено, а единица счёта, будучи всего лишь результатом, предполагает как свой призрачный остаток тот факт, что множественность первоначально не имеет формы единицы, необходимо признать, что в такой ситуации чистая, или неконсистентная, множественность разом исключается из целого, а значит, и из презентации как таковой, но включена как представление в себе или "если бы", что закон исключает как то, что невозможно помыслить: единицы нет, а бытие консистентное есть неконсистентное².

¹ Badiou A. L'etre et l'evenement. P. 72.

² Ibid. P. 66.

Таким образом, презентация внутренне расщепляется из-за раскола между представляющей её консистентностью и неконсистентностью её собственного бытия (т.е. неконсистентности *того, что* представляется консистентным). Всякая представленная в консистентности ситуация содержит латентный резерв неконсистентности. Но эта неконсистентность — всего лишь ретроактивный эффект счёта; несубстанциальная тень, отбрасываемая структурой субстанции. Следовательно, операция структурирования, посредством которой множественность переводит консистентное в презентацию, есть также то, что делает невозможным презентацию бытия или неконсистентного как таковых. Бытие исключает презентацию¹; нет никакого «опыта» наличного бытия; оно может быть только онтологически интеллигибельным, оставаясь «непостижимым для всякого наличия и всякого опыта»². Более того, поскольку «презентация — прямая противоположность наличия»³, и поскольку всякое явление определяется в терминах наличия для субъекта ре-презентации, или наличия для сознания, презентация не есть феномен. Однако это не то, о чём толковали мистики и негативные теологи, ибо бытие может быть представлено лишь как «абсолютно Иное»: невыразимое, не-представимое, непостижимое через структуры рационального мышления и потому доступное лишь через некоторую первичную или инициаторную форму не-концептуального опыта. Это «Великое Испытание»⁴, которому неизменно поддаются философы, если отрицание бытия консистентности и утверждение бытия неконсистентного не смягчается оговоркой, что нет никакого непосредственного, недискурсивного доступа к бытию, и не ограничивается положением о том, что онтология есть определённая ситуация, где не-представимость неконсистентной множественности рационально кодируется в композиционной структуре дискурса теории множеств. Аксиоматический характер онтологической презентации гарантирует, что неконсистентная множественность неотделима от операции структурирования. Следовательно, метаонтологический концепт презентации есть концепт анти-феномена, радикально отличного от ноумена, искажающего всякую форму интеллектуальной интуиции; будучи воплощением безусловного раскрытия, посредством которого он освобождается от консистентности, делающей его возможным, структура высвобождает саму неконсистентность, которой должна была препятствовать. Закон презентации сочетает возможность консистентности и невозможность неконсистентности в непредставимой цезуре, в которой развёртывание и субтракция структуры совпадают. Таким образом, структура презентации охватывает «не-феноменологизуемое» в строгом смысле расщепление, которое может быть лишь *вписано* в формальную идеографию теории множеств. Таким образом, только незначимая запись, 0, вносит изначальный раскол, посредством которого презентация позиционирует наличие и связывает себя с отпечатком непредставимого. презентация представляет собой инициативный разрез, маркирующий тесную связь между консистентностью и неконсистентностью, небытием и бытием-ничем.

¹ Ibid. P. 35.

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Ibid. P. 34.

7. Метаонтологическое исключение

В таком случае возникает вопрос: имеет ли место презентация, при её анти-феноменологической структуре, в какой-либо иной ситуации, кроме ситуации онтологической. В этом отношении решающим является то обстоятельство, что только онтологическая ситуация, т.е. аксиоматика теории множеств как презентация презентации, способна сохранять в строгом смысле инъюнкцию не-существования Единого:

В не-онтологической (т.е. не-математической) ситуации множественность возможна лишь постольку, поскольку закон имплицитно подчиняет её закону счёта <...>. Обычные ситуации, если рассматривать их с имманентной им точки зрения, инвертируют аксиому, которая инаугурирует всю нашу процедуру. В них утверждается, что единица существует, а чистая множественность — т.е. неконсистентное — нет. Это совершенно естественно, поскольку, не будучи презентацией презентации, обычные ситуации по необходимости отождествляют бытие с тем, что презентировано, а значит, с возможностью единицы <...>. Это совершенно верно <...> с точки зрения, внутренней по отношению к тому, что ситуация утверждает как форму знания: быть — значит быть унифицированным. Положение Лейбница ("Что не является единичным бытием, то не есть бытие") определяет имманенцию ситуаций как горизонт их подлинности. Таков закон¹.

Но, поскольку метаонтология никоим образом не есть презентация презентации, поскольку её дискурс всецело концептуален, поскольку она не связывает себя с реальностью презентации (пустого множества), и если она не является субъектом по отношению к горизонту подлинности, определяющему обычные ситуации, поскольку она приостанавливает действие положения Лейбница, каковы тогда её специфические ситуационные параметры? Что говорит об этом важнейшем моменте Бадью в первом Размышлении «Бытия и события»? Ясное дело, это не тождественность мышления и бытия, возникающая в онтологическом дискурсе, ни ситуация, определяемая познанием и подчиняющаяся закону Единого. Но как тогда должны мы ситуировать метаонтологический дискурс Бадью, если его позиция не сводится ни к онтологическому *stricto sensu*, ни к обыкновенному познанию? Она не является онтологической, поскольку мобилизуемые ею концепты — «множественность», «структура», «принятие-за-единицу», «ситуация», «положение» и, самое главное, «презентация» — трансцендируют vis-à-vis имманентные ресурсы аксиоматики теории множеств, определяющие характеристики которых не определяют её как науку о бытии как таковом, а следовательно, не объективируют бытие посредством рефлексии о нём². Но это не обычная форма познания, поскольку она не подчиняется имманенции тех или иных отдельных ситуаций, ни даже форма онтологии, так что, по-видимому, она не вполне подчиняется закону Единого. Таким образом, метаонтологический дискурс содержит условие трансцендентного исключения имманенции из онтологической и мета-онтологической ситуаций.

Бадью утверждает, что признаком философии является обусловленность экста-ра-философскими истинами, которые невозможно редуцировать к имманентным нор-

¹ Ibid. P. 65-66.

² Эти метаонтологические концепты следует отличать от метаонтологического использования термина «бытие», реификации которого в понятии Бадью избегает. Бытие есть просто имя собственное — имя пустого множества, \emptyset , — для непредставимого.

мам познания и которые должны соперничать с «композитным»¹. Но, учитывая, что философия сама по себе не есть процедура отыскания истины, по Бадью, строго говоря, не может быть субъекта философии, а потому он пытается объяснить, каким образом метаонтологический дискурс, обуславливающий философию в целом (и из которого выводятся *все* концептуальные детали его теории событийной истины), может освободиться от имманентных условий познания, определяемых нормой Единого.

Вопрос можно задать иначе: является ли отношение между онтологией и метаонтологией отношением изоморфности или аналогии? Метаонтологическая позиция Бадью в «Бытии и событии» увековечивает опасную двусмысленность отношений изоморфности и аналогии, буквальной локализацией онтологического дискурса как презентации презентации и де-локализации метаонтологического дискурса, по-видимому, переходящего в онтический, — т.е. обычной ситуации, в которой правило Единого служит гарантом того, что бытие остаётся обратимым в консистентное, — и онтологического, т.е. теории множеств, где представленное оказывается латентной неконсистентностью презентации. А-специфичность метаонтологического дискурса «Бытия и события», неясный статус философской мысли производят впечатление, что метаонтологические положения Бадью плавают между ре-презентацией математической презентации бытия и презентацией воображаемых ре-презентаций обычного познания, остающихся в рабстве у закона Единого. Более того, это явно антифеноменологическая радикализация понятия презентации, порождающая проблему выяснения природы отношений между онтологической, метаонтологической (т.е. философской) и обычной ситуациями; иными словами, между аксиоматикой теории множеств, субтрактивной метаонтологией и предположительно всеобщим законом Единого.

Поверхностный взгляд на общую структуру «Бытия и события» выявляет её комплексный характер. С одной стороны, Бадью делает вывод о том, что математика — это онтология. Казалось бы, такой вывод соответствует самой природе «событийности». Таким образом, она по необходимости оказывается неverified для концептуального аппарата, порождающего этот вывод. Но этот самый аппарат может объяснить, как и почему неverified не только возможна, но и валидна, хотя и неправомерна с точки зрения нормального знания². Бадью продолжает, отождествляя ситуацию, в которой есть подлинное (хотя и непредсказуемое) «самообоснование» мысли, и ситуации, в которой мыслительные связи существуют в качестве бытия. Эта связь, подтверждающая верность тезиса Парменида о том, что «мышление и бытие есть одно и то же», имеет место в аксиоматике теории множеств как презентации презентации. И именно на основании последней Бадью объясняет возможность событийного вывода, говоря о разрушении консистентности бытия, разрушения, которое порождает вывод о том, что бытие есть не-всё и что мысль может обрести опору в онтологической неконсистентности.

Мы не стремимся ниспровергнуть предполагаемую «значимость» аргумента Бадью, в своём роде виртуозного. Однако необходимо отметить, что связь мысли с

¹ См.: Badiou A. Manifeste pour la philosophie P.: Seuil, 1989 (Manifesto for Philosophy. Trans. N. Madaasz. Albany: SUNY University Press, 1999).

² О различении между истиной и знанием см.: Badiou A. L'etre et l'evenement. P. 361—471 (Размышления 31-36.), а также: «On Subtraction» и «Truth: Forcing and the Unnameable» // Theoretical Writings. Ed. R. Brassier and A. Toscano. L.: Continuum, 2004. P. 103-117 и 119-133 соответственно.

бытием — или с «реальностью» (абсолютной неконсистентностью), поскольку в данном случае это одно и то же, — имеет место в пределах аксиоматики теории множеств, а не в метаонтологической глоссе Бадью относительно последней, глоссе, которую он вклинивает между онтологией и читателем посредством использования таких понятий, как «презентация». Иными словами, у нас нет никаких гарантий, что мышление каким-либо образом основывается на бытии в любых ситуациях, кроме онтологической. Что ещё более важно, нет, по-видимому, никаких оснований предполагать, будто концепт «презентации» привносит что-либо новое в онтологический дискурс или что презентация обладает каким-либо экстрадискурсивным существованием. Отсылка к так называемой эмпирической очевидности, согласно которой «всякий может видеть, что такое презентация», здесь неуместна. Такой непреклонный платоник, как Бадью, не может обратиться к доксе здравого смысла для обоснования существования презентации. Кроме того, обратиться к авторитету сознания — эмпирического или трансцендентального — означало бы капитулировать перед нормой Единого, ведь вся его конструкция опирается на неотменимость феноменологической интуиции. Почему же тогда Бадью с самого начала «Бытия и события» говорит о презентации бытия-многим? Что за манифестация делает возможным субтрактивное бытие, учитывая, что, как выражается сам Бадью, «бытие *как таковое* не есть наличие» (*l'être ne se présente pas*)¹ и «бессмысленно искать что-либо в ситуации, поддерживающей интуицию бытия как такового»²? Если субтрактивное бытие никогда не дано, что связывает презентацию презентации и так называемый ординарный, неонтологический режим презентации? Поскольку, несмотря на предполагаемый «приоритет» онтологического дискурса как «условия схватывания всякого возможного доступа к бытию», не совсем ясно, обращается ли аргумент «Бытия и события» от пустоты бытия к множественности презентации *a priori* или, наоборот, *a posteriori*, от множественности презентации к пустоте бытия. Другими словами, как получается, что непредставимое может дать начало чему-либо кроме субтрактивной — онтологической — презентации?

По большому счёту, «Бытие и событие» устанавливает необходимую связь между пустотой бытия и онтологической ситуацией лишь за счёт разрыва всякой интеллигибельной связи между бытием и множественностью презентации. Несоответствие между заявлениями Бадью о приоритете онтологического и его скрытой апелляцией к *a posteriori* раскрывается в фундаментальном противоречии между некоторыми его особенно бескомпромиссными анти-феноменологическими декларациями, такими как «нет никакой структуры бытия»³, и другими более двусмысленными заявлениями, вроде «презентация не бывает хаотичной, даже если речь идёт о неконсистентном множестве»⁴. Множественность презентации предполагает, что должны существовать ситуации презентации помимо онтологической. Но, поскольку аксиоматика теории множеств гарантирует консистентность презентации за счёт операции принятия-за единицу, вышеупомянутое противоречие возникает из-за того, что презентация имеет место в не-онтологических контекстах. Как же в таком случае мы должны понимать термин «хаотическая» в не-онтологических ситуациях? Если Бадью подразумевает

¹ Badiou A. *L'être et l'événement*. P. 35.

² Ibid. P. 67.

³ Ibid. P. 34.

⁴ Ibid. P. 110.

неупорядоченность, то его заявление по меньшей мере эмпирически спорно (его опровергает опыт употребления наркотиков), если не вовсе ложно. Но если «хаотическая» значит попросту «неконсистентная», тогда Бадью лишь повторяет пустую тавтологию: «то, что представлено как консистентное, не есть неконсистентное». Невозможность объяснить связь между онтологической неконсистентностью и онтической консистентностью заставляет Бадью обращаться к пустым тавтологиям типа «консистентное должно быть консистентным». Если консистентность — всего лишь результат нескончаемой операции, то какая не-тавтологическая инстанция питает необходимую вездесущность консистентного?

8. Дварежима презентации

Разгадка природы артикуляции между a priori и a posteriori (или онтологией и миром) лежит в схватывании различия между двумя режимами презентации, онтологическим и не-онтологическим. И их дистинкция, и их связь укоренены в различии между метаструктурой и ре-презентацией. Онтология как место «схватывания всякого возможного доступа к бытию» не может быть репрезентирована. Таким образом, хотя метаструктуральное удвоение презентации обосновывает онтологическую парадигму дистинкции между ситуацией и статусом ситуации, а значит, и разрыва между презентацией и ре-презентацией — зияющей пропастью, в которой пускает корни онтологическая консистентность, разрушающая возможность событийности, — онтология всё же остаётся презентацией презентации, презентацией всей неконсистентной множественности, устранивающей возможность обращения, оставаясь свободной от презентации:

Онтологии приходится <...> взвалить на себя все последствия разрыва между принадлежностью и включённостью, не подчиняясь пому разрыву. <...> Таким образом, онтологическая ситуация по своему статусу несепарабельна, т.е. не существует. <...> Эффектуация консуммации онтологии предполагает не-бытие ситуации, которой она является, и заражается пустотой, поскольку принадлежность всегда уже связана с пустотой. Непредставимая пустота связывает здесь ситуацию с несепарабельностью её статуса¹.

Это в высшей степени гномический пассаж, даже по меркам «Бытия и события». Однако в действительности он обеспечивает нас решением относительно базовой связи между онтологической ситуацией и не-онтологическими ситуациями, т.е. между субтрактивным дискурсом и наличной реальностью. Онтологическая презентация презентации ничего не презентует; всякая презентация консистентного изначально отмечена знаком непредставимой неконсистентной множественности. Происходит это потому, что онтология есть «эффектуация консуммации» не-бытия Единого, уникальная ситуация, в которой консистентность выводится лишь из неконсистентности, представляя только ничто, и никогда не может столкнуться с чем-то — нельзя исчислить включение чего-либо кроме пустоты. Однако, как мы помним, в не-онтологических ситуациях консистентное превалирует над неконсистентным, Единое есть, а неконсистентного нет: вот почему всё наличное конвертируется в консиси-

¹ Ibid. P. 118.

тентность. В таких не-онтологических ситуациях огромный избыток неконсистентного включённого превалирует над консистентным принадлежащим, делая возможными сингулярности, т.е. элементы, презентированные ситуацией, но не ре-презентированные статусом ситуации¹. Именно эти сингулярности становятся опорными точками для события (они могут стать «событийными участками»²). Только онтологическая ситуация и делает возможной неконсистентность пустоты, тогда как не-онтологические ситуации делают возможной латентную неконсистентность консистентности. Неконсистентность, скрытая в консистентности обычной презентации, обеспечивает ресурс для трансцендентного отрыва от имманентной формы онтологической презентации. Событие есть трансцендентная интервенция, раскалывающая имманентную онтологическую дизъюнкцию между принадлежностью и включением в неразрешимую дуальность или «двойку», трансформируя статус ситуации. Эта интервенция, конечно же, есть операция субъекта, для которого исключена трансценденция имманентной объективности онтологического дискурса. Трансцендентности субъекта можно дать точную дефиницию, в противоположность объективной имманентности онтологического дискурса: тогда как последняя есть консистентная презентация неконсистентности, скрывающейся в пустоте, субъект есть консистентная презентация неконсистентного, скрывающегося в консистентности (родовое порождение³).

Онтологический дискурс устраняет возможность субъекта, поскольку может лишь тащить за собой последствия разрыва между принадлежностью и включённостью до «тупиковой точки», где их хиатус становится совершенно неизмеримым и снимается фазовым переходом от имманенции к трансценденции⁴. Аксиоматическая консистентность онтологического дискурса наталкивается на собственную «невозможность», т.е. на свою собственную экстра-дискурсивную «реальность», там, где имманентная дизъюнкция между структурой и метаструктурой превращается в трансцендентное превосходство ре-презентации над презентацией. Другими словами, онтологическое *a priori* (дискурс) пересекается с *a posteriori* (миром) там, где его эффектуация неконсистентной множественности (бытия-ничем не-бытия) оборачивается эффектуацией консистентности неконсистентного (не-бытия бытия-ничем, или субъективной «истины») посредством события. Бадью проводит дистинкцию между дискурсивной и экстра-дискурсивной презентацией, презентацией презентации и презен-

¹ Ibid. P. 116.

² См.: Ibid. P. 193-198 (Размышление 16).

³ См.: Ibid. P. 429-447 (Размышление 35).

⁴ О тупике онтологии у Бадью см.: Ibid. P. 311-315 (Размышление 26). Бадью дезавуирует апелляцию к трансценденции, приравнивая её к «онто-теологической» ориентации, которую он иллюстрирует, обращаясь к теории «больших множеств». Существование большого множества не выводимо из аксиом теории множеств, а потому требует введения дополнительной аксиомы. Такая аксиома имеет преимущество перед той, что гарантирует существование порядкового предела и последовательности трансфинитных алефов. Теория больших множеств ограждает неизмеримость онтологического избытка, утверждая существование супер-алефов, ограничивающих его «извне». Однако необходимо различать между утверждением существования трансцендентных объектов, таких как супер-алефы, не признающих тупика онтологии, поскольку они не предлагают суждений относительно значимости множеств для наименьшей исчислимой бесконечности, нуль-алефа. и утверждением необъекционной трансценденции, которая как раз и является трансценденцией суждения, т.е. субъективной интервенцией, *vis-à-vis* имманентно объективных параметров онтологического дискурса. Поскольку Бадью делает выбор в пользу последнего, его можно считать поборником радикальной трансценденции.

тацией «чего-то», экстраполированного из имманентной дизъюнкции между структурой и метаструктурой в онтологическом дискурсе, и конвертирует его в бесконечную трансценденцию ре-презентации презентации, какую он считает характеристикой не-онтологических ситуаций¹. В результате Бадью может лишь ограничить действие символического закона, управляющего онтологической структурой или счётом, или утвердить существование экстра-дискурсивной реальности, ссылаясь на избыток трансценденции — неисчислимой, неverifiedируемой, необъективируемой и по необходимости субъективной, — онтологическая схематизация которой не в состоянии скрыть его полную бессодержательность. Бадью заполняет разрыв между онтологическим дискурсом и земной реальностью, тайком конвертируя имманентный хиатус в онтологической презентации в трансцендентное прерывание онтологической консистентности. Поэтому его философия сводится к изоморфизму между дискурсом и реальностью, логическими следствиями и материальными причинами, мышлением и бытием. Мышление способно изменить мир — такова сущность идеализма Бадью.

В конечном счёте, субтрактивная онтология в философии Бадью играет всего лишь вспомогательную роль: по сути, это демистифицирующий экран, защищающий нас от зачарованности полнотой, то есть актуальностью мира, благодаря чему мы готовы завладеть возможностью его радикальной трансформации. По сути, это пропедевтическая функция теории события. Однако перед Бадью встаёт проблема: если онтология есть дискурсивная ситуация, если не существует не-дискурсивного доступа к бытию и если бытие не есть ни понятие, ни данность «опыта», тогда все эти медиации между онтологической презентацией *stricto sensu*, в которой ни «бытие», ни «презентация» не играют никакой концептуальной роли, и не-онтологической презентацией есть лишь собственный метаонтологический дискурс Бадью. Его отношения с онтологическим дискурсом с одной стороны и не-онтологической «реальностью» — с другой, сводятся как к схематизации имманентной дизъюнкции между принадлежностью и включённостью в первый, так и к конвертированию в локus радикальной трансценденции последней. Цель этой схематизации заключается в том, чтобы синтезировать априорный режим онтологической презентации с апостериорным режимом обычной презентации. Но онтология не может выступать гарантом «схватывания всякой возможности доступа к бытию», если её парадигма презентации подрывает самую возможность доступа к тому, что пребывает за пределами онтологической ситуации. Фактически не онтология, но метаонтология выступает, по Бадью, тайным гарантом вездесущности презентации: она делает невозможным отрицание презентации в не-онтологических ситуациях. И тем не менее, было бы абсурдно понимать структуру презентации как трансляцию из онтологической ситуации в обычную ситуацию. Есть только онтологическая презентация. Или Бадью не считает онтологию ситуацией, и тогда он должен выбирать между мистицизмом, феноменологией и метафизикой, или он признаёт, что субтрактивная природа презентации подрывает все не-онтологические следствия, которые он выводит из неё; такова теория события.

¹ Это ключевой момент дистинкции между естественными ситуациями, характеризующимися минимальным эквilibriumом между презентацией и ре-презентацией и описываемыми нуль-алефом. наименьшей исчислимой бесконечностью, и историческими ситуациями, не обладающими транзитивностью из-за того, что несут в себе сингулярности (участки событий), в потенции являющиеся локусами сингуляризации избытка (См.: Badiou A. L'être et l'évenement. P. 141-198 (Размышления 11-16).

9. Следствия субтракции

Из этого положения у Бадью есть два выхода: он может скорректировать анти-феноменологическую направленность концепта презентации, дополнив субтрактивную онтологию бытия как такового учением о явлении и онтической consistency миров¹ — хотя и с риском скатиться к тому или иному варианту онтологии Наличия. Или же он может отнестись к своему концепту со всей строгостью и принять все отрицательные последствия логики субтракции (перспектив готовящейся к изданию «Логика миров» показывает, что он — быть может, это разумно, но неутешительно — выбрал последнее).

Вместо того, чтобы искать какое-либо качественное дополнение к субтрактивной презентации, стоило бы заострить и углубить недостатки его феноменологической жертвы (и её диадических структур вроде темпорализация/специализация, континуальность/дисконтинуальность, количество/качество и т.п.).

Эти заострение и углубление влекут за собой три следствия:

Во-первых, если единственно реальной пресуппозицией для субтрактивной онтологии является существование ноумена пустоты, то её нельзя дедуцировать из неконсистентной множественности. Как мы видели, это ведёт к имплицитному обращению к авторитету феноменологической данности. Легитимация субтрактивной онтологии должна принять следующую форму: есть суждение, которое позволяет принять реальную пресуппозицию, а реальная пресуппозиция становится основанием для суждения. Суждение о том, что бытие есть ничто (примат субтрактивного означаемого, 0), должно быть детерминировано инстанцией реальности, определяемой независимо от дискурса. Реальность в качестве нулевой степени имманенции должна быть детерминирована своей идеальной номинацией в качестве пустоты. Суждение о том, что онтология есть математика, может быть ратифицировано только через нематематическую (т.е. не-дискурсивную) связь теории с реальностью. Следовательно, философия отказывается от своей метаонтологической роли трансцендентного посредника между наукой и реальностью, дискурсом и миром.

Во-вторых, мы не должны принимать намёк, который Бадью делает в «Бытии и событии», на то, что существует множество структур помимо принятия-за-единицу класса, формализованного аксиоматикой теории множеств. Необходимо настаивать на том, что далёкая от бытия простая формализация или абстрактная модель операции унификации исчерпывает собой всю консистентность. Нет никаких других презентативных операций, данных до или независимо от включённости. Чтобы быть, презентация должна быть феноменом. Но если презентация есть субтрактивный ноумен, анти-феномен, всё, что относится к консистентному, может быть исчерпывающе артикулировано математической теорией неконсистентной множественности.

В третьих, суждение о том, что онтология есть математика, аннулирует дистанцию между презентацией презентации и презентацией «чего-то». Только онтологическая презентация является постоянным режимом субтрактивной инскрипции. Всё презентируемое есть пустая неконсистентность. Цезура субтрактивной презентации

¹ Именно это советует Франсуа Валь. Он считает, что Бадью необходимо установить связь между неединством бытия и единством презентации, чего недостаёт субтрактивной онтологии. Поэтому Валь заключает, что «онтологии презентации и бытия, онтологии множественных детерминаций бытия пока не существует» (Wahl F. *Présentation, Représentation, Apparaître*. P. 187).

требует трансцендентального дополнения посредством «разрыва разрыва», а не мета-онтологического дополнения посредством схематизации онтологической завершённости события. Таким образом, трансцендентальное дополнение логики субтракции вообще обходится без события. Следует разделить и перегруппировать элементы мысли Бадью, что, по-видимому, больше всего удовлетворяет задаче развёртывания столь напряжённого онтологического нигилизма.

Ray Brassier

Presentation as Anti-Phenomenon in Alain Badiou's «Being and Event»

In his magnum opus «Being and Event», Alain Badiou identifies ontology with mathematics and uses a mathematical formalization of ontological discourse to generate an account of extra-ontological «truth-events». Informed by deconstructive critiques of the metaphysical ontologies of presence. Badiou establishes an anti-phenomenological conception of ontological presentation. Presentation's internal structure is that of an anti-phenomenon: presence's necessarily empty and insubstantial contrary. But the result is that «Being and Event» is riven by a fundamental methodological idealism. Badiou cannot secure the connection he wishes to establish between the formal discursive structure of mathematical ontology and extra-discursive reality. The decisive link between being and event, i.e. between Badiou's purely formal conception of ontological presentation and the extra-ontological reality of the event, is precluded by the very structure of the concept of presentation which is central to Badiou's argument.